

УДК 338.2

DOI: 10.17223/19988648/49/3

К.С. Гончарова

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО СОКРАЩЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ¹

Снижение социально-экономической дифференциации регионов России является приоритетной задачей стратегического развития государства, отраженной в документах – Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. и Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Целью работы является определение тенденций совершенствования государственной политики, направленной на сокращение региональной дифференциации доходов населения субъектов Федерации. Основными методами исследования являлись контент-анализ документов стратегического планирования, группировки, обобщения и описания результатов анализа. Исследование основных направлений и инструментов реализуемой в настоящее время государственной социальной политики позволило сделать вывод о том, что в стратегических документах части субъектов Федерации отсутствуют мероприятия, способствующие (согласно результатам эконометрического анализа) сокращению региональной дифференциации доходов посредством поддержки населения в зависимости от уровня жилищной нагрузки на домохозяйство (его половозрастного состава), места проживания (город / сельская местность), миграционного статуса и образования. Данные регионы при дальнейшей разработке государственных программ или их совершенствовании могут учитывать опыт других субъектов Федерации, входящих в аналогичную региональную группу с соответствующим набором факторов социально-демографической сферы, влияющих на региональную дифференциацию доходов в части реализуемых в настоящее время мероприятий.

Ключевые слова: региональная дифференциация доходов, государственная региональная политика, факторы региональной дифференциации.

Введение

Большинство исследователей сходятся во мнении, что повышение уровня региональной дифференциации доходов населения может стать причиной возникновения или усиления негативных социально-экономических процессов, а именно: снижения эффективности национальной экономики, роста социальной напряженности, повышения неравенства доступа граждан к качественным услугам в сферах образования, здравоохранения, культуры, являющихся базовыми элементами воспроизводства социальной

¹ Публикация подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2019–2022 гг.

структуры общества. В связи с этим необходимость сокращения дифференциации доходов населения также отмечается как на глобальном (международном) уровне, так и на уровне отдельных стран: с одной стороны, в Программе устойчивого развития до 2030 г. ООН предусмотрено снижение уровня неравенства внутри стран и между ними; с другой – в стратегических документах Российской Федерации уровень региональной дифференциации отнесен к одной из важнейших проблем, ограничивающих темпы экономического роста.

Однако, несмотря на повышенное внимание к проблеме региональной дифференциации доходов населения экспертного сообщества, представителей международных организаций и органов государственной власти, в нашей стране после некоторого сокращения в период с 2007 по 2017 г. вновь наблюдается рост коэффициента Джини, характеризующего уровень неравномерности распределения ресурсов. В случае сохранения данной тенденции возникает опасность невозможности достижения стратегической задачи комплексного социально-экономического развития нашей страны, обусловливающейся экономической деятельностью территорий государства и эффективностью их межрегионального взаимодействия.

Обзор состояния изученности

Проблеме региональной дифференциации доходов населения посвящено значительное количество исследований как отечественных, так и зарубежных ученых.

В контексте анализа причин возникновения региональной дифференциации доходов населения основными детерминантами определяются экономические и социальные факторы. Так, влияние инвестиционной привлекательности региона, его отраслевой структуры и динамики рынка труда на распределение доходов между группами населения рассмотрено в работах И.В. Манаевой [2], Я.М. Рошиной [3], Л.Н. Овчаровой, Д.О. Поповой, А.М. Рудберга [4], J. Burniaux, F. Padrini и N. Brandt [5] и др. Анализ влияния места проживания населения, его половозрастного состава, уровня квалификации и миграционной динамики представлен в исследованиях В.Л. Шабановой [6], Л.А. Беляевой [7], С.Г. Косарецкого, М.А. Пинской, И.Г. Груничевой [8], С.А. Данканич [9], Г. Брюкера [10], Р.А. Гресь [11], J. Boulant, M. Brezzi и P. Veneri [12], P. Hoeller [13], O. Denk [14].

В рамках оценки последствий региональной дифференциации доходов населения для социально-экономического развития стран и регионов выделяют положительное и отрицательное влияние. Положительное заключается в росте инвестиционной активности наиболее состоятельной части населения (Э. Дж. Берг, Дж. Остри [15], Р.А. Григорьев, М.В. Крамин, Т.В. Крамин, А.В. Тимирясова [16]) и создании стимулов для повышения производительности труда и более эффективного использования имеющихся ресурсов (А.Ю. Шевяков [17], М.Ю. Малкина [18], Л.Н. Овчарова, Д.О. Попова [19]). Негативное (отрицательное) влияние выражается в де-

стабилизации политической (Г.В. Анисимова [20], И. Любимов [21]) и социально-экономической (F. Cingano [22], Г.С. Абдусаматов, С.Ш. Саиджонов [23], В.С. Жаромский, Л.А. Мигранова, М.С. Токсанбаева [24]) сфер жизнедеятельности общества, а также в снижении качества жизни населения (H. Lopez, G. Perry [25], T. Enamorado, L.F. Lopez-Calva, C. Rodriguez-Castelan, H. Winkler [26], Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Г.Н. Волкова, И.И. Корчагина, Л.А. Мигранова [27]).

В меньшей степени в литературе рассмотрены вопросы институционального регулирования динамики дифференциации доходов населения. В рамках данного направления можно выделить работы Э. Аткинсона [28], Дж. Стиглица [29], Т. Пикетти [30], Н.М. Римашевской и др. [27], А.Ю. Шевякова, А.Я. Кируты [31] и Л.В. Костылевой [32]. Однако указанными авторами исследуется преимущественно влияние воздействия государственной монетарной политики на неравенство доходов – налоговых ставок и трансфертных платежей и значительно реже анализируются аспекты социальной политики. Это и определило направление нашего исследования.

Настоящая работа является логическим продолжением проведенного исследования оценки влияния социально-демографических факторов (половозрастного состава, уровня рождаемости, квалификации, места проживания и миграционной динамики населения региона) на дифференциацию доходов населения [1]. Ранее нами был обоснован комплекс факторов, оказывающих влияние на дифференциацию доходов населения и, посредством метода многофакторного корреляционно-регрессионного анализа были установлены статистически значимые связи между уровнем дифференциации доходов (коэффициентом Джини) и показателями, характеризующими социально-демографические факторы (на рис. 1 представлены результаты эконометрического анализа).

В рамках статьи приводится определение направлений совершенствования региональной политики в сфере сокращения региональной дифференциации доходов. В качестве объекта исследования выступила государственная региональная политика, направленная на снижение уровня региональной дифференциации доходов населения.

Для решения поставленных задач использованы метод контент-анализа, группировки, обобщения и описания результатов анализа.

В частности, метод контент-анализа документов стратегического планирования позволил произвести сбор и анализ документов, отражающих государственную политику. В процессе анализа были рассмотрены *государственные программы субъектов Федерации*, содержащие мероприятия, направленные на социально-демографические факторы, которые оказывают влияние на уровень дифференциации доходов:

- 128 государственных программ развития образования и развития государственной молодежной политики (фактор – уровень квалификации работников организаций);

- 94 программы социальной поддержки населения и 76 – содействия занятости населения (фактор – половозрастная структура населения);

- 20 – оказания содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом (фактор – миграционная динамика);
- 85 – устойчивого развития сельских и 60 – городских территорий (фактор – соотношение численности населения по месту проживания).

Всего было проанализировано 463 государственные программы, реализуемые на территории всех субъектов Российской Федерации, за исключением Архангельской и Тюменской областей, без автономных округов, Чеченской Республики, Республики Крым и г. Севастополя (в связи с недостаточной для анализа длиной временного ряда данных).

Метод группировки использован для сопоставления результатов корреляционно-регрессионного анализа и контент-анализа. Использование метода позволило определить наличие или отсутствие в рассмотренных государственных стратегиях и программах мероприятий, позволяющих снизить уровень дифференциации доходов населения региона.

Метод обобщения и описания результатов анализа обеспечил возможность установления ключевых аспектов совершенствования реализуемой государственной региональной политики в сфере сокращения дифференциации доходов.

Методика исследования

Методический подход к обоснованию мероприятий, реализуемых в рамках действующей государственной региональной политики, направленной на сокращение дифференциации доходов населения, основывается на осуществлении трех последовательных этапов.

На первом этапе производился контент-анализ комплекса взаимосвязанных нормативно-правовых документов стратегического планирования (региональных стратегий и государственных программ) относительно наличия в них целей, задач и мероприятий, прямо или косвенно (через воздействие на соответствующие социально-демографические факторы) направленных на решение проблемы региональной дифференциации доходов населения.

В результате выполнения данного этапа определено содержание государственной региональной политики, направленной на нивелирование негативных последствий дифференциации доходов населения в субъектах Федерации.

На втором этапе обобщены результаты эконометрической оценки влияния социально-демографических факторов на дифференциацию доходов населения в субъектах Федерации. Второй этап методики позволил привести количественную и качественную характеристику соотношения реализуемых мер государственной политики и выявленных факторов, оказывающих влияние на дифференциацию доходов населения.

На третьем этапе дана систематизация направлений и мероприятий государственной политики в сфере снижения дифференциации доходов населения в тех регионах, в которых определено совпадение государствен-

ной политики и результатов эконометрического (корреляционно-регрессионного) анализа. Это позволило обосновать комплекс мероприятий по каждому анализируемому социально-демографическому фактору и предложить направления по усовершенствованию государственной политики тех регионов.

Результаты исследования

На рис. 1 представлены результаты сопоставления, с одной стороны, эконометрического анализа оценки зависимости региональной дифференциации доходов населения от социально-демографических факторов (расчитанные корреляционно-регрессионные модели для временного ряда за 19 лет (с 2000 по 2018 г.), коэффициенты корреляции (R) и результаты тестирования остатков моделей на автокорреляцию, осуществленного посредством проведения теста Дарбина–Уотсона (DW)), с другой – анализа нормативно-правовых документов стратегического планирования (государственных программ).

Все представленные на рис. 1 модели соответствуют предпосылкам метода наименьших квадратов (МНК). Для проверки выполнения условий Гаусса–Маркова был проведен ряд тестов. Во-первых, об отсутствии, наличии мультиколлинеарности независимых переменных: в качестве меры наличия мультиколлинеарности принимались значения коэффициентов, равные или выше 0,7. Во-вторых, гомоскедастичности – постоянстве дисперсии случайных отклонений, для проверки чего проводился тест Уайта на основе LM-статистики. В-третьих, автокорреляции остатков: для проверки были выбраны два теста – Дарбина–Уотсона и Бреуша–Годфри, первоначально для всех моделей рассчитывался тест Дарбина–Уотсона, в случае попадания рассчитанного значения в зону неопределенности ($dL \leq d \leq dU$) дополнительно проводился тест Бреуша–Годфри.

Также все модели соответствуют критическим значениям дисперсионного анализа, а именно: критерий Фишера (значимость F), характеризующий достаточность анализируемых данных для предоставления достоверных выводов, менее 5% (0,05); P – значение, оценивающее значимость выбранных факторов, составляет менее 5% (0,05).

Количественное сопоставление результатов, с одной стороны, эконометрического анализа, в ходе которого были выявлены значимые для уровня региональной дифференциации доходов населения социально-демографические факторы, с другой – контент-анализа действующих стратегических документов субъектов Федерации (государственных программ), позволило сделать следующие выводы (рис. 2)¹.

¹ Нами не был учтен фактор «доля мужчин в общей численности населения трудоспособного возраста», так как гендерная политика в России направлена на поддержку и регулирование занятости и уровня жизни женщин как менее социально защищенного пола.

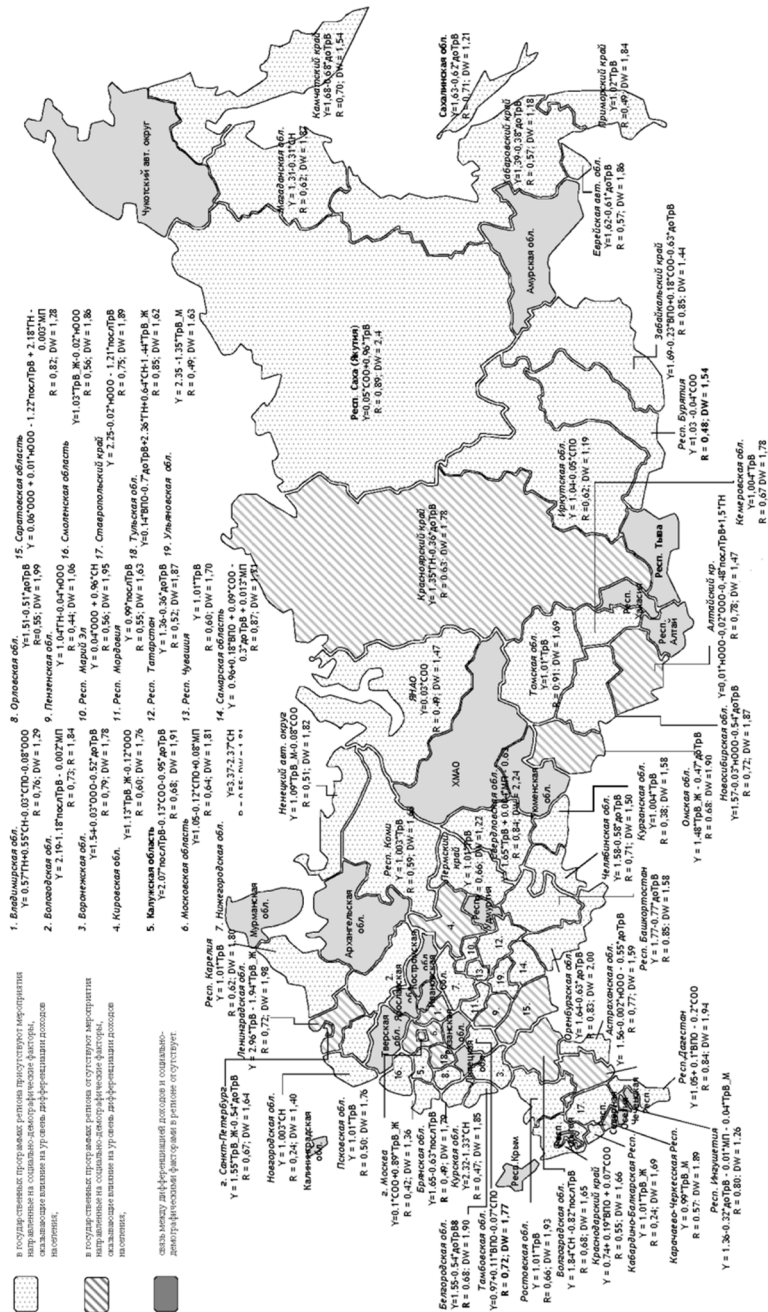

Рис. 1. Результаты сопоставления действующих стратегических документов субъектов Федерации с выявленными в ходе эконометрического анализа социально-демографическими факторами, определяющими динамику дифференциации доходов населения

83% государственных программ субъектов Федерации содержит мероприятия в сфере регулирования социально-демографических факторов, оказывающих влияние на региональную дифференциацию доходов населения; 100% случаев учета анализируемых факторов в стратегических документах наблюдается в Уральском и Дальневосточном федеральных округах.

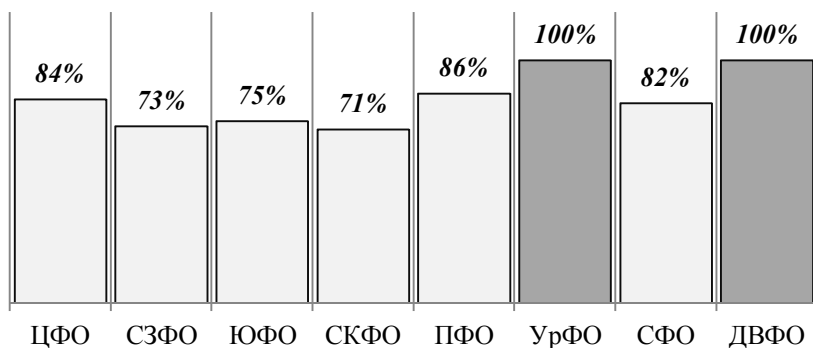

Рис. 2. Наличие в государственных программах субъектов Федерации мероприятий, направленных на значимые для уровня региональной дифференциации доходов социально-демографические факторы

Социально-демографические факторы и показатели, их характеризующие, %

Сокращенное наименование фактора в модели	Полное наименование анализируемого фактора
послТрВ	Удельный вес численности населения старше трудоспособного возраста
ТрВ	Удельный вес численности населения трудоспособного возраста
доТрВ	Удельный вес численности населения младше трудоспособного возраста
ТрВ_М	Удельный вес мужчин трудоспособного возраста
ТрВ_Ж	Удельный вес женщин трудоспособного возраста
СН	Удельный вес численности сельского населения
ГН	Удельный вес численности городского населения
МП	Коэффициент миграционного прироста
нООО	Удельный вес численности работающего населения без основного общего образования
ООО	Удельный вес численности работающего населения, имеющего основное общее образование (5–9 кл.)
СОО	Удельный вес численности работающего населения, имеющего среднее общее образование (10–11 кл.)
СПО	Удельный вес численности работающего населения, имеющего среднее проф. образование

Рассмотрим полученные результаты о взаимосвязи анализируемых факторов и государственной региональной политики.

1. Фактор – **уровень квалификации занятого населения** имеет различное (в зависимости от субъекта Федерации) влияние на динамику региональной дифференциации доходов населения.

Результаты анализа показали, что с ростом численности работников с высшим профессиональным образованием в Самарской, Тульской, Тамбовской областях, Краснодарском крае и Республике Дагестан дифференциация доходов населения повышается (связь прямая), а в Забайкальском крае – снижается (связь обратная). В то же время при увеличении численности занятого населения со средним профессиональным образованием во всех регионах, для которых была получена статистически значимая связь между показателями удельного веса численности занятого населения с уровнем образования – среднее профессиональное и дифференциацией доходов населения – Владимирская, Тамбовская, Московская, Иркутская области, уровень дифференциации населения по доходам снижается. По нашему мнению, результаты эконометрического анализа могут являться следствием вариации заработной платы работников различной квалификации. Так, среди специалистов с высшим профессиональным образованием разброс значений заработной платы выше, что и обуславливает высокую неравномерность его распределения (по данным Росстата, в среднем по России за 10 лет (с 2005 по 2015 г.) коэффициент вариации заработной платы работников с высшим образованием равен 39,7%, тогда как работников со средним и начальным средним образованием – 32,5 и 30,2% соответственно¹).

Следующие мероприятия в сфере профессионального образования, предполагаемые к реализации в государственных программах указанных субъектов, помогут сократить уровень региональной дифференциации доходов населения:

- обеспечение стабильности функционирования системы среднего профессионального образования (Тульская, Тамбовская области), модернизация его содержания и технологий в соответствии с требованиями экономики региона и запросами населения (Краснодарский край);

- увеличение доли студентов образовательных организаций профессионального образования, обучающихся по наиболее востребованным и перспективным профессиям и специальностям в соответствии с потребностями экономики (Московская, Владимирская, Иркутская, Самарская, Тульская области, Забайкальский край), профессиональная ориентация и социальная адаптация молодежи, в том числе учащихся общеобразовательных организаций, на рынке труда (Самарская область);

- повышение доступности качественного образования (Московская, Владимирская, Самарская, Тульская области, Республика Дагестан);

¹ Труд и занятость в России. 2017 : стат. сб. М., 2017. С. 256.

– обеспечение предоставления начального профессионального образования для инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья, граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в образовательных организациях системы социальной защиты населения (Самарская и Тульская области), а также распространение профессионального образования среди осужденных в период исполнения наказания (Самарская область);

– консолидация ресурсов бизнеса, государства и образовательных организаций в развитии системы непрерывного профессионального образования (Владимирская, Иркутская, Тамбовская области, Забайкальский край).

Таким образом, во всех регионах, где взаимосвязь между дифференциацией доходов населения и профессиональным образованием является прямой (т. е. с увеличением удельного веса численности занятого населения в профессиональным образованием повышается и уровень дифференциации), в настоящее время реализуется ряд мероприятий, направленных на повышение доступности профессионального образования и его модернизации с целью повышения востребованности труда специалистов данного уровня квалификации.

Далее рассмотрим влияние фактора – **отсутствие профессионального образования** на дифференциацию доходов населения.

В результате анализа установлено наличие зависимости региональной дифференциации доходов населения от **удельного веса численности занятого населения со следующими уровнями общего образования**:

– со средним общим образованием – 6 случаев положительного влияния (г. Москва, Самарская область, ЯНАО, Забайкальский, Краснодарский края, Республика Саха (Якутия)) и 4 случая отрицательного влияния (Калужская область, Ненецкий АО, республики Бурятия и Дагестан);

– с основным общим образованием выявлены 2 случая положительного влияния (Саратовская область, Республика Марий Эл) и 4 случая отрицательного влияния (Владимирская, Воронежская, Кировская области, Алтайский край);

– без начального общего образования установлены 2 случая положительного влияния (Саратовская область и Алтайский край) и 5 случаев отрицательного влияния (Астраханская, Новосибирская, Пензенская, Смоленская области, Ставропольский край).

Исследуя полученные взаимосвязи, обратимся к высказанному ранее предположению о влиянии квалификации занятого населения на дифференциацию доходов населения вследствие различий в уровне оплаты труда при схожем уровне образования. Сопоставление результатов анализа вариативности заработной платы работников без профессионального образования (коэффициент вариации для занятых со средним (полным) общим образованием равен 30%, а для работников без среднего (полного) общего образования – 35,8%¹) и эконометрического анализа позволяет сделать вывод, что изложенная ранее гипотеза находит подтверждение только в слу-

¹ Труд и занятость в России. 2017 : стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 256.

чае профессионального образования (так как низкий разброс значений оплаты труда работников с основным общим образованием сочетается с ростом дифференциации доходов, в то же время при высоком уровне вариации заработной платы сотрудников, у которых отсутствует общее образование, дифференциация доходов населения снижается). Мы предполагаем, что сотрудники организаций без профессионального образования имеют более низкую оплату труда по сравнению с оплатой труда сотрудников, занимающих аналогичную должность, но имеющих профессиональное образование. Соответственно при росте численности занятых с общим образованием будет увеличиваться разница заработных плат сотрудников, выполняющих схожий функционал, но имеющих разный уровень квалификации.

Во всех перечисленных субъектах реализуемая региональная социальная политика в области молодежной политики и среднего образования позволяет сократить уровень региональной дифференциации. В частности, в настоящее время предусмотрены к исполнению следующие мероприятия:

- обеспечение доступности и повышения качества образовательных услуг в сфере общего образования (Самарская, Саратовская области, Алтайский край), в том числе обеспечение равных возможностей для детей в получении качественного образования и позитивной социализации независимо от их места жительства, состояния здоровья и социально-экономического положения их семей (Астраханская, Калужская, Новосибирская области, Ставропольский край, Ненецкий АО, республики Бурятия и Марий Эл);

- создание условий для реализации образовательных программ, направленных на успешную социализацию, профессиональное самоопределение выпускников общеобразовательных организаций, в соответствии с требованиями развития современной экономики (Кировская, Пензенская, Смоленская области, республики Марий Эл и Саха (Якутия));

- создание новых мест в общеобразовательных организациях в соответствии с прогнозируемой потребностью и современными требованиями к условиям обучения (Республика Дагестан);

- система профессиональной ориентации школьников (Новосибирская область, Алтайский край).

Первые два направления содержатся в стратегических документах регионов, в которых дифференциация доходов вследствие увеличения доли численности занятого населения без профессионального образования как снижается, так и растет.

В данном аспекте интерес представляют последние два мероприятия, касающиеся увеличения числа мест в общеобразовательных организациях и разработки программ профессиональной ориентации школьников. Они содержатся в документах регионов, для которых была получена обратная связь между исследуемыми параметрами и, соответственно, могут быть приняты во внимание субъектами Федерации, для которых статистическая связь между параметрами была прямой (с ростом числа занятого населения без профессионального образования увеличивалась и степень дифференциации доходов).

2. Половозрастная структура населения также имеет различное (в зависимости от региона) влияние на дифференциацию доходов. Корреляционно-регрессионный анализ позволил установить наличие связи между уровнем дифференциации доходов населения и удельным весом численности населения:

- младше трудоспособного возраста в 20 регионах: г. Санкт-Петербурге, Астраханской, Белгородской, Воронежской, Калужской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Самарской, Сахалинской, Челябинской областях, Еврейской АО, Забайкальском, Камчатском, Красноярском, Хабаровском краях, республиках Башкортостан, Ингушетия, Татарстан (во всех регионах связь между показателями обратная);

- трудоспособного возраста в 14 субъектах Федерации: Кемеровской, Курганской, Ленинградской, Псковской, Ростовской, Свердловской, Смоленской, Томской областях, Пермском, Приморском краях, республиках Карелия, Коми, Саха (Якутия), Чувашия (во всех регионах связь прямая);

- старше трудоспособного возраста. В 6 регионах связь получена обратная – Брянской, Волгоградской, Вологодской, Саратовской областях, Алтайском и Ставропольском краях и в двух прямая связь – Калужской области, Республике Мордовия.

Соответственно, наличие и направление (прямая или обратная) влияния возрастной структуры на динамику дифференциации доходов населения могут являться следствием изменения структуры доходов индивидов в зависимости от их возраста. Так, в возрасте младше трудоспособного основными источниками дохода являются распределяемые на иждивенцев денежные средства домохозяйства в целом либо одного из его членов, а также социальные трансферты государства.

В трудоспособном возрасте источники доходов расширяются и дифференцируются, при этом основным становится заработная плата, получаемая как за работу по найму, так и индивидуальными предпринимателями и самозанятым населением. Данный вид дохода вносит наибольший вклад в структуру дохода домохозяйства и является одним из наиболее дифференцированных по сумме, так как зависит от множества факторов, в отличие, например, от государственных трансфертов, имеющих территориальные различия, но в целом регламентированных государством (по суммам выплат, срокам и категориям получателей).

Для населения старше трудоспособного возраста источниками дохода могут являться пенсионные выплаты, а также заработная плата. В настоящее время доля пенсионеров, продолжающих трудовую деятельность и, соответственно, получающих заработную плату, составляет в среднем по России 29%¹ (среднее значение уровня занятости населения в возрасте

¹ Занятость и безработица / Показатели, характеризующие занятость населения в возрасте старше трудоспособного, по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/ (дата обращения: 20.08.2019).

старше трудоспособного: до 2018 г. – мужчины в возрасте 60–72 лет, женщины в возрасте 55–72 лет), в связи с этим можно заключить, что при выходе на пенсию основным источником доходов для данной категории населения являются пенсионные выплаты.

Таким образом, источники дохода домохозяйств весьма различны в зависимости от возраста составляющих его индивидов. При этом в двух возрастах – младше трудоспособного и старше трудоспособного происходит сокращение источников дохода, а также его величины (естественно, следует иметь в виду существующие различия в стартовых капиталах лиц младше трудоспособного возраста, а также осуществленные накопления лиц старше трудоспособного возраста). Тем не менее вследствие наибольшей дифференциации структуры и величины дохода в трудоспособном возрасте рост численности данной группы положительно коррелирует с общим уровнем неравенства населения.

Мероприятия, предусмотренные к реализации в стратегических документах субъектов Федерации, охватывают все рассмотренные нами возрастные группы.

Во всех регионах, для которых на основе эконометрического анализа была получена статистически значимая зависимость между региональной дифференциацией доходов населения и удельным весом численности населения младше трудоспособного возраста, реализуются следующие меры в сфере поддержки семей с детьми:

- сокращение бедности в семьях с детьми (г. Санкт-Петербург, Калужская, Орловская области); повышение качества и доступности социальных услуг для семей с детьми (Орловская область, Камчатский, Красноярский края, республики Башкортостан, Ингушетия), в том числе и обеспечение потребностей инвалидов, включая детей-инвалидов, семей и детей в социальном обслуживании (Воронежская область, Еврейская АО, Забайкальский, Красноярский края);

- создание благоприятных условий и поддержки для жизнедеятельности семьи, рождения детей (г. Санкт-Петербург, Воронежская, Оренбургская, Самарская области, Красноярский край, Республика Башкортостан), а также снижение темпов естественной убыли населения, стабилизация численности населения и создание условий для последующего демографического развития (Республика Татарстан);

- обеспечение возможностей родителям совмещать уход за детьми с экономической активностью (Республика Татарстан);

- создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации детей и молодежи (Воронежская, Омская, Сахалинская области, Еврейская АО, Забайкальский, Красноярский, Хабаровский края); развитие системы трудоустройства молодежи (сеть бирж труда), а также формирование инфраструктуры развития предпринимательской активности путем проведения семинаров, тренингов, конкурсов и т.д. (г. Санкт-Петербург, Астраханская, Орловская, Оренбургская области, Хабаровский край, республики Ингушетия и Татарстан);

– осуществление государственной поддержки семей, реализация мероприятий, направленных на повышение социального статуса семьи и укрепление семейных ценностей (Белгородская, Омская, Сахалинская области, Красноярский край);

– совершенствование условий для выявления, поддержки и развития одаренных детей (Калужская, Новосибирская, Омская, Оренбургская области, Забайкальский, Камчатский края, республики Башкортостан и Татарстан).

Далее направления поддержки населения *трудоспособного возраста* отражены во всех регионах, для которых была получена статистически значимая связь, и включают меры, направленные на:

– содействие росту заработной платы работников (Псковская область, республики Карелия, Коми, Чувашия);

– создание условий для содействия занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы, в том числе инвалидам, женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, лицам, освобожденным из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы (республики Коми и Чувашия), создание условий для интеграции в трудовую деятельность лиц с ограниченными физическими возможностями и содействие трудоустройству незанятых инвалидов (Кемеровская, Курганская, Свердловская области, Пермский и Приморский края, Чувашская Республика), а также устранение барьеров, затрудняющих формирование гибких трудовых отношений, в том числе дистанционной занятости (Чувашская Республика);

– поддержку занятости, в том числе квалифицированных работников (Кемеровская, Курганская, Ленинградская, Псковская, Ростовская, Свердловская, Томская области, республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Чувашия);

– активную политику занятости населения и обеспечение социальных гарантий гражданам, признанным в установленном порядке безработными (Ленинградская, Псковская, Ростовская, Смоленская, Томская области, Пермский и Приморский края, республики Коми, Саха (Якутия), Чувашия);

– трудоустройство молодых людей (Кемеровская, Курганская, Свердловская, Томская области, Приморский край, Республика Саха (Якутия));

– содействие дальнейшему развитию малого предпринимательства и создание новых рабочих мест (Псковская область, Чувашская Республика);

– совершенствование системы информирования населения о состоянии рынка труда и возможностях трудоустройства в различных отраслях экономики (Кемеровская, Ростовская области, республики Саха (Якутия) и Чувашия);

– развитие трудовой мобильности населения (Кемеровская, Курганская области, Пермский край, Чувашская Республика);

– обеспечение сбалансированности рабочих мест и трудовых ресурсов в регионе (Ленинградская, Псковская, Свердловская области, республики Карелия и Коми);

– создание и модернизацию высокопроизводительных рабочих мест (Курганская, Псковская области, Чувашская Республика).

Однако результаты проведенного эконометрического анализа (однозначно положительное влияние роста численности населения трудоспособного возраста на положительную динамику региональной дифференциации доходов населения) могут свидетельствовать о недостаточности или низкой результативности реализуемых мероприятий, что требует дальнейших, более детальных исследований данного аспекта.

В государственных программах поддержки лиц старше трудоспособного возраста во всех регионах, за исключением Волгоградской области, для которых была получена статистически значимая связь между удельным весом численности населения старше трудоспособного возраста и дифференциацией доходов населения, предусматривается реализация следующих мероприятий:

– осуществление мер по улучшению положения граждан пожилого возраста, повышению степени их социальной защищенности, активизации участия пожилых людей в жизни общества, созданию условий для повышения качества жизни пожилых граждан (Брянская, Калужская области, Алтайский, Ставропольский края, Республика Мордовия);

– обеспечение адресной социальной поддержки неработающим пенсионерам, являющимся получателями страховых пенсий по старости и по инвалидности, на частичное возмещение расходов по газификации жилых помещений (Республика Мордовия);

– реализация специальных программ для населения старших возрастов – развитие геронтологической помощи (Республика Мордовия);

– создание условий для вовлечения в трудовую деятельность граждан предпенсионного и пенсионного возраста (Вологодская и Саратовская области), в том числе повышение уровня профессионального образования незанятого населения, включая и пожилых граждан (Вологодская и Саратовская области);

– предоставление мер социальной поддержки малоимущим одиноко проживающим гражданам, ежемесячных доплат к пенсиям (Ставропольский край).

Анализ взаимосвязи показателей дифференциации доходов населения и удельного веса численности женщин трудоспособного возраста выявил наличие прямой статистически значимой связи в гг. Санкт-Петербурге, Москве, Кировской и Омской областях, Кабардино-Балкарской Республике, а также обратной связи в Ленинградской и Тульской областях.

При этом в большинстве регионов – гг. Санкт-Петербург, Москва, Кировская, Ленинградская и Омская области, Кабардино-Балкарская Республика влияние анализируемого фактора не нашло отражения в государственных программах. Данные субъекты могут использовать мероприятия, содержащиеся в стратегических документах Тульской области и Кабардино-Балкарской Республики, где предусмотрена реализация следующих мероприятий:

– улучшение положения женщин и противодействие всем формам семейного насилия (Тульская область), в том числе обеспечение прав женщин на защиту и помощь в преодолении последствий кризисных ситуаций (Тульская область);

– стимулирование занятости женщин, имеющих несовершеннолетних детей и детей-инвалидов (Кабардино-Балкарская Республика).

3. Место проживания населения также является значимой детерминантой, обуславливающей рост дифференциации доходов. Так, аккумуляция населения в крупных городах способствует росту дисперсии его качественных характеристик – образования, опыта работы, ценностных ориентиров (семья/карьера), склонности к инициативности и риску и т.д., исходя из которых формируются различные социально-экономические группы, имеющие различный уровень дохода. Сельское же население мы склонны считать более схожим с точки зрения описанных характеристик, что способствует меньшему неравенству доходов.

В процессе анализа нами было установлено наличие положительной связи между уровнем дифференциации доходов и удельным весом численности городского населения для 7 регионов России: Владимирская, Пензенская, Саратовская, Тульская области, Красноярский, Алтайский края, Республика Калмыкия. В 6 субъектах, за исключением Тульской области, рассматриваемый фактор не отражен в мероприятиях государственных программ по формированию современной, комфортной городской среды, направленных на повышение качества и комфорта жизни городского населения, способствующих инвестиционной и миграционной привлекательности региона.

Наличие связи между уровнем дифференциации доходов и удельным весом численности сельского населения установлено в 8 регионах. Во Владимирской, Волгоградской, Новгородской, Тульской областях и Республике Марий Эл влияние носит положительный характер, а в Курской, Магаданской и Нижегородской областях – отрицательный. При этом во всех перечисленных субъектах рассматриваемый фактор нашел отражение в мероприятиях государственных программ, предусматривающих:

– повышение качества жизни сельского населения (Курская, Новгородская, Магаданская области), в том числе устойчивое развитие сельских территорий (Владимирская, Курская области), включая активизацию работы по привлечению инвесторов и обустройству сельских территорий, развитие социальной инфраструктуры для создания комфортных условий жизни на селе и закрепления кадров (Волгоградская, Нижегородская, Новгородская, Тульская, Магаданская области, Республика Марий Эл);

– обеспечение повышения доступности высшего образования для жителей села и малых городов путем развития современных (например, дистанционных) форм обучения (Нижегородская область), а также формирование системы целевого заказа на подготовку кадров со стороны предприятий агропромышленного комплекса и расширение сотрудничества образовательных организаций, предприятий агропромышленного комплекса в во-

просах подготовки квалифицированных специалистов для отрасли (Новгородская и Тульская области);

- поддержка развития инфраструктуры агропродовольственного рынка региона (Курская область);

- повышение уровня занятости сельского населения на основе создания новых рабочих мест, в том числе за счет развития малых форм хозяйствования на селе, внедрения программ микрокредитования на развитие личных подсобных хозяйств (Волгоградская, Магаданская, Новгородская области);

- обеспечение финансовой устойчивости сельскохозяйственных товаропроизводителей агропромышленного комплекса путем реализации комплекса мер, направленных на повышение эффективности сельскохозяйственного производства (Республика Марий Эл).

Анализ показал, что в 6 субъектах Федерации имеет место взаимосвязь между показателями дифференциации доходов населения и миграционным приростом, в том числе в трех случаях она является прямой – Самарская, Свердловская, Московская области и трех случаях обратной – Вологодская, Саратовская области, Республика Ингушетия. При этом в рассмотренных нами государственных программах Московской области и Республики Ингушетия не содержатся мероприятия, направленные на данный фактор, однако эти регионы могут воспользоваться опытом программ других субъектов, где предусмотрены:

- компенсация убыли населения области (Саратовская область);

- привлечение на территорию региона высококвалифицированных специалистов из других субъектов Федерации (Вологодская, Самарская области), в том числе организация работы по определению потребности в привлечении иностранных работников, прибывших в РФ в порядке, требующем получения визы, и в подготовке предложений по объемам квот на осуществление иностранными гражданами, прибывшими в РФ в порядке, требующем получения визы, трудовой деятельности на территории региона (Свердловская область); организация работы по переселению соотечественников, проживающих за рубежом (Вологодская, Свердловская области), включая создание правовых, организационных, социально-экономических и информационных условий, способствующих добровольному переселению соотечественников для постоянного проживания и их быстрому включению в трудовые и социальные связи региона (Самарская область);

- оказание мер социальной поддержки, предоставление государственных и муниципальных услуг, содействие в жилищном обустройстве (Самарская область), а также формирование эффективной модели адаптации и интеграции мигрантов с учетом приоритетов социально-экономического развития региона (Самарская, Свердловская области).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование основных направлений и инструментов реализуемой в настоящее время государственной политики в

сфере социально-экономической дифференциации населения в субъектах Федерации позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, в государственных программах некоторых субъектов Федерации – г. Санкт-Петербург, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Кировская, Ленинградская, Московская, Пензенская, Саратовская, Тульская области, Алтайский и Красноярский края, республики Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия – отсутствуют мероприятия, направленные на сокращение дифференциации доходов населения в части тех социально-демографических факторов, которые согласно результатам эконометрического анализа оказывают на него влияние.

Во-вторых, перечисленные регионы при дальнейшей разработке государственных программ или их совершенствовании могут учитывать опыт других субъектов Федерации в части реализуемых мероприятий, направленных на соответствующие факторы.

В-третьих, подход к разработке мероприятий в составе государственных программ должен учитывать социально-экономические особенности развития отдельных территорий России.

В-четвертых, в тех регионах, в которых анализируемые факторы нашли отражение в государственных программах, необходимо разработать соответствующее методическое обеспечение, которое будет учитывать эффективность реализуемых мероприятий на основе их характера, финансирования и результатов.

Это означает, что реализуемые на региональном уровне государственные программы должны быть увязаны со стратегическими целями социально-экономического и пространственного развития страны, включающими необходимость снижения уровня меж- и внутрирегиональной дифференциации.

Литература

1. Гончарова К.С. Структура социально-демографических факторов в моделях дифференциации доходов населения регионов России // Создание дохода, накопление национального богатства, формирующиеся рынки и новые мировые финансы: сборник тезисов докладов научной конференции молодых ученых. М. : Научный консультант, 2019. Вып. 2. С. 27–32.
2. Манаева И.В. Модель оценки факторов социально-экономического неравенства городов России // Сборник тезисов участников III Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодых». Нижний Новгород, 2017. С. 116–117.
3. Рощина Я.М. Дифференциация доходов и образования в России // Вопросы образования. 2005. № 4.
4. Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 170–185.
5. Burniaux J., Padrini F., Brandt N. Labour Market Performance, Income Inequality and Poverty in OECD countries // OECD Economics Department Working Papers. OECD Publishing. Paris. 2006. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/882154447387>
6. Шабанов В.Л. Динамика уровня жизни и неравенства в городе и селе: оценки с использованием данных бюджетных обследований домашних хозяйств // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Серия «Социология. Политология». 2014. № 3.

7. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 52–62. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/972/784/1219/Sotsis_09_06_p52-63.pdf (дата обращения: 04.10.2017).
8. Косарецкий С.Г., Пинская М.А., Груничева И.Г. Проблемы бедности и доступа к образованию. Оценка ситуации в России и международный опыт // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 2.
9. Данканич С.А. Неравенство доходов населения: виды и последствия // ПСЭ. 2011. № 3.
10. Брюкер Г. Способна ли международная миграция решить проблемы европейских рынков труда? // Обзор экономического положения Европы. 2002. № 2. URL: https://www.unecsc.org/ru/ead/pub/surv_022_r.html (дата обращения: 17.04.2019).
11. Гресь Р.А. Влияние демографических императивов на экономическое неравенство регионов России // Синергия наук. 2017. № 8. С. 30–42.
12. Boulant J., Brezzi M., Veneri P. Income Levels And Inequality in Metropolitan Areas: A Comparative Approach in OECD Countries // OECD Regional Development Working Papers. Paris : OECD Publishing. 2016/06. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5jlwj02zz4mr-en>
13. Hoeller P. et al. Less Income Inequality and More Growth – Are They Compatible? Part 1. Mapping Income Inequality Across the OECD // OECD Economics Department Working Papers. OECD Publishing. 2012. № 924. DOI: 10.2139/ssrn.2014780
14. Denk O. Financial sector pay and labour income inequality: Evidence from Europe // OECD Economics Department Working Papers. OECD Publishing, Paris. 2015. № 1225. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5js04v5wjw9p-en>; https://www.oecd-ilibrary.org/economics/financial-sector-pay-and-labour-income-inequality_5js04v5wjw9p-en
15. Берг Э.Дж., Остри Дж. Неравенство и неустойчивый рост: две стороны одной медали // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. Т. 8, № 4.
16. Григорьев Р.А., Крамин М.В., Крамин Т.В., Тимирязова А.В. Неравенство распределения дохода и экономический рост в регионах России в посткризисный период // Экономика региона. 2015. № 3. С. 102–113.
17. Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста // Инновации 2011. № 1 (147). С. 7–18.
18. Малкина М.Ю. Институциональные основы неравенства доходов в современной экономике // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8, № 1. С. 100–120.
19. Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. Социология. Этнология. 2013. № 3.
20. Анисимова Г.В. Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // Terra economica. 2016. Т. 14, № 1. С. 61–77.
21. Любимов И. Взгляд на эволюцию неравенства доходов: Пикетти против Кузнец – 60 лет спустя // Экономическая политика. 2016. Т. 11, № 1. С. 27–42.
22. Cingano F. Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. OECD Publishing, Paris. 2014. № 163. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5jxjncwxxv6j-en>
23. Абдусамадов Г.С., Саиджонов С.Ш. Факторы и причины неравенства доходов в Республике Таджикистан // Вестник ТГУПБП. 2011. № 4 (48).
24. Жаромский В.С., Мигранова Л.А., Токсанбаева М.С. Социально-экономическое неравенство в России: динамика и методы оценки // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 79–94. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-08
25. Lopez H., Perry G. Inequality in Latin America: Determinants and Consequences (February 1, 2008). World Bank Policy Research Working Paper Series. 2008. P. 39. URL: <https://ssrn.com/abstract=1090391> (дата обращения: 01.01.2019).

26. *Enamorado T., Lopez-Calva L.F., Rodriguez-Castelan C., Winkler H.* Income Inequality and Violent Crime: Evidence from Mexico's Drug War // World Bank Policy Research Working Paper. 2014. № 6935. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jdeveco.2015.12.004>

27. *Римаишевская Н.М., Бочкарева В.К., Волкова Г.Н., Корчагина И.И., Мигранова Л.А.* Региональные особенности уровня и качества жизни // Учреждение Российской академии наук./ Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. М. : М-Студио, 2012. 392 с.

28. *Аткинсон Энтони Б.* Неравенство: как с ним быть? / пер. с англ. О. Левченко ; под науч. ред. М. Добряковой. М. : Дело, 2018. 536 с.

29. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М. : ЭКСМО, 2017.

30. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М. : Ad Marginem, 2015 (пер. с англ.: Piketty T. 2014. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge: Harvard University Press).

31. *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М. : М-Студио, 2009. 192 с.

32. *Костылева Л.В.* Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование / под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина, Л.В. Костылева. Вологда : Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011. 223 с.

Directions for Improving the State Policy in Reducing Regional Income Inequality

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2020. 49. pp. 28–48. DOI: 10.17223/19988648/49/3

Ksenia S. Goncharova, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). Email: ksenia.gon4arowa@gmail.com

Keywords: regional income inequality, state regional policy, factors of regional inequality.

Reducing the socioeconomic inequality of Russian regions is a priority task of the state's strategic development reflected in the documents: the Concept of Long-Term Socioeconomic Development of the Russian Federation until 2020 and the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation until 2025. The aim of this study is to identify areas for improving the state policy in reducing the regional inequality of incomes of the population in Russian regions. The main research methods were content analysis of strategic planning documents, grouping, generalization and description of the results of the analysis. The study of the main directions and tools of the current state social policy allows concluding that the strategic documents of some regions of Russia do not contain measures that contribute (according to the results of econometric analysis) to reducing regional income inequality: support of the population depending on the level of dependency burden on the household (its gender and age composition), place of residence (city or rural area), migration status and education. These regions can take into account the experience of other regions of Russia that are part of a similar regional group with a corresponding set of socio-demographic factors that affect regional income inequality in terms of currently implemented measures.

References

1. Goncharova, K.S. (2019) [The Structure of Socio-Demographic Factors in Income Inequality Models of the Regions of Russia]. *Sozdanie dokhoda, nakoplenie natsional'nogo bogatstva, formiruyushchiesya rynki i novye mirovye finansy* [Income Generation, Accumulation of National Wealth, Emerging Markets and New World Finances]. Abstracts of the Conference. Is. 2. Moscow: Nauchnyy konsul'tant. pp. 27–32. (In Russian).

2. Manaeva, I.V. (2017) [A Model for Assessing the Factors of Socioeconomic Inequality in Russian Cities]. *Nauka budushchego – nauka molodykh* [Science of the Future: Science of

the Young]. Abstracts of the All-Russian Forum. Nizhniy Novgorod, pp. 116–117. (In Russian).

3. Roshchina, Ya.M. (2005) Income Inequality and Education in Russia. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 4. (In Russian).

4. Ovcharova, L.N., Popova, D.O. & Rudberg, A.M. (2016) Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii – Journal of the New Economic Association*. 3 (31). pp. 170–185. (In Russian). DOI: 10.31737/2221-2264-2016-31-3-8

5. Burniaux, J., Padrini, F. & Brandt, N. (2006) Labour Market Performance, Income Inequality and Poverty in OECD countries. In: *OECD Economics Department Working Papers*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/882154447387.

6. Shabanov, V.L. (2014) Dynamics of the Living Standard and Inequality in Urban and Rural Areas: Assessments With the Use of the Data From Household Budget Surveys. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya – Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 3. (In Russian).

7. Belyaeva, L.A. (2006) Sotsial'naya stratifikatsiya i bednost' v regionakh Rossii (k sostavleniyu sotsiokul'turnogo portreta regionov) [Social Stratification and Poverty in the Regions of Russia (On the Compilation of a Sociocultural Portrait of Regions)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya. – Social Studies*. [Online] Available from: http://ecsocman.hse.ru/data/972/784/1219/Sotsis_09_06_p52-63.pdf. (Accessed: 04.10.2017).

8. Kosaretskiy, S.G., Pinskaya, M.A. & Grunicheva, I.G. (2014) Poverty and Access to Education: Russian Situation and International Experience. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya – Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2. (In Russian).

9. Dankanich, S.A. (2011) Inequality of Population Income: Types and Consequences. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 3.

10. Brücker, H. (2002) Can International Migration Solve the Problems of European Labour Markets? Translated from English. *Obzor ekonomicheskogo polozheniya Evropy – Economic Survey of Europe*. 2. [Online] Available from: https://www.unece.org/ru/ead/pub/surv_022_r.html. (Accessed 17.04.2019). (In Russian).

11. Gres', R.A. (2017) The Influence of Demographic Imperatives on Economic Inequality of Russian Regions. *Sinerhiya nauk*. 8. pp. 30–42. (In Russian).

12. Boulant, J., Brezzi, M. & Veneri, P. (2016) Income Levels And Inequality in Metropolitan Areas: A Comparative Approach in OECD Countries. In: *OECD Regional Development Working Papers*. Is. 6. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/5jlwj02zz4mr-en

13. Hoeller, P. et al. (2012) Less Income Inequality and More Growth – Are They Compatible? Part 1. Mapping Income Inequality Across the OECD. In: *OECD Economics Department Working Papers*. Is. 924. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.2139/ssrn.2014780

14. Denk, O. (2015) Financial sector pay and labour income inequality: Evidence from Europe. In: *OECD Economics Department Working Papers*. Is. 1225. Paris: OECD Publishing. [Online] Available from: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/financial-sector-pay-and-labour-income-inequality_5js04v5wjw9p-en. DOI: 10.1787/5js04v5wjw9p-en

15. Berg, A.G. & Ostry, J.D. (2013) Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin? Translated from English by E.A. Safonkina. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika – International Organizations Research Journal*. 4 (8).

16. Grigor'ev, R.A. et al. (2015) Inequality of Income Distribution and Economics Growth in the Regions of Russia in the Post-Crisis Period. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 3. pp. 102–113. (In Russian).

17. Shevyakov, A.Yu. (2011) Neravenstvo dokhodov kak faktor ekonomicheskogo i demograficheskogo rosta [Income Inequality as a Factor in Economic and Demographic Growth]. *Innovatsii – Innovations*. 1 (147). pp. 7–18.

18. Malkina, M.Yu. (2016) Institutional Framework of Income Inequality in Modern Economy. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy – Journal of Institutional Studies*. 1 (8). pp. 100–120.

19. Ovcharova, L.N. & Popova, D.O. (2013) Cash Income and Expenditure of the Russian Population: What Are the Changes in Consumer's Standard. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya – Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 3. (In Russian).
20. Anisimova, G.V. (2016) Methodological Aspects of the Analysis of Economic Inequality: The Soviet and Post-Soviet Problems. *Terra Economicus*. 1 (14). pp. 61–77. (In Russian).
21. Lyubimov, I. (2016) Income Inequality Revisited 60 Years Later: Piketty vs Kuznets. *Ekonomicheskaya politika – Economic Policy*. 1 (11). pp. 27–42. (In Russian).
22. Cingano, F. (2014) Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth. In: *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. Is. 163. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/5jxjrjncwxv6j-en
23. Abdusamadov, G.S. & Saidzhonov, S.Sh. (2011) Factors and Reasons of Unequal Income in Tajikistan. *Vestnik TGUPBP*. 4 (48). (In Russian).
24. Zharomskiy, V.S., Migranova, L.A. & Toksanbaeva, M.S. (2018) Socio-Economic Inequality in Russia: Dynamics and Estimation Method. *Narodonaselenie – Population*. 4 (21). pp. 79–94. (In Russian). DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-08
25. Lopez, H. & Perry, G. (2008) *Inequality in Latin America: Determinants and Consequences (February 1, 2008)*. World Bank Policy Research Working Paper Series. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=1090391>. (Accessed: 01.01.2019).
26. Enamorado, T. et al. (2014) Income Inequality and Violent Crime: Evidence from Mexico's Drug War. In: *World Bank Policy Research Working Paper*. Is. 6935. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2015.12.004
27. Rimashevskaya, N.M. et al. (2012) *Regional'nye osobennosti urovnya i kachestva zhizni* [Regional Features of the Level and Quality of Life]. Moscow: M-Studio.
28. Atkinson, A.B. (2018) *Neravenstvo: kak s nim byt'?* [Inequality: What Can Be Done?]. Translated from German by O. Levchenko. Moscow: Delo.
29. Stiglitz, J.E. (2017) *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future]. Translated from English. Moscow: E.
30. Piketty, T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem.
31. Shevyakov, A.Yu. & Kiruta, A.Ya. (2009) *Neravenstvo, ekonomicheskiy rost i demografiya: neissledovannyye vzaimosvyazi* [Inequality, Economic Growth and Demography: Unexplored Relationships]. Moscow: M-Studio.
32. Kostyleva, L.V. (2011) *Neravenstvo naseleniya Rossii: tendentsii, faktory, regulirovanie* [Inequality of the Russian Population: Trends, Factors, Regulation]. Vologda: Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences.